

С. Г. Жамбалова

КАРЫМЫ — ФЕНОМЕН МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ МЕТИСАЦИИ РУССКИХ И БУРЯТ НА ЮГО-ВОСТОКЕ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2024-2(83)-121-128

УДК 39:94(571.5)“16/20” ББК 63.5(253.5)

В статье на основе полевых, архивных, литературных и электронных источников раскрывается феномен одной из групп межэтнической метисации русских и бурят на юго-востоке Восточной Сибири — карымов, оседлых инородцев. Идиографический и компаративистский методы позволили рассмотреть тему с имперского периода до настоящего времени. С конца XVII в. регион стал ареной взаимодействия двух народов, рас, языковых семей, культур и разных религий. Номадический опыт бурят предоставил культурные рецепции для адаптации русских. Выявлено, что имперская политика в отношении карымов, с одной стороны, поддерживала целесообразную внутреннюю изоляцию традиционного бурятского и русского социумов, а с другой — осуществляла поэтапную аккультурацию части крещеных бурят, благодаря межэтническому браку перешедших к оседлому образу жизни. Выделены три этапа в становлении идентичности карымов. Первый, имперский — формирование межэтнической группы инородцев, карымов, с особыми правами и обязанностями, ведущих оседлый образ жизни крестьянина-земледельца, чаще при Степных думах. Пограничное положение, пространственная и социальная изоляция сформировали этническую группу, имеющую общее происхождение, культуру, язык и самосознание. Второй этап — получение в советское время многими карымами возможности обоснованно идентифицировать себя русскими. Третий этап — стремление в XXI в. русских потомков карымов официально заявить о себе как о субэтнотом народа. Рассмотрено соотношение понятий «карым» и «метис», доказана их неоднозначность. Слово «метис» указывает на пограничный антропологический тип, на фенотип индивида. Карымы — феномен межэтнической метисации русских и бурят на юго-востоке Восточной Сибири, результат одного из направлений российской колонизационной политики, способствовавшей стабилизации этнополитической и демографической ситуации.

Ключевые слова: *юго-восток Восточной Сибири, русские, буряты, карымы, субэтнос, культурные рецепции, феномен, межэтническая метисация, аккультурация, ассимиляция*

Актуальность темы обусловлена современными проблемами поиска этнической идентичности и формирования толерантного сознания в полиэтничной РФ. На этнической территории бурят в юго-восточной части Восточной Сибири сложился многовековой позитивный опыт взаимодействия и взаимовлияния русских и бурят, уникальным результатом которого стали межэтнические браки. Расовое взаимодействие народов характерно для всех регионов мира, колонизационные процессы привели к образованию этнических групп креолов, мулатов, самбо и др. Однако политика в отношении межрасового взаимодействия в государствах была неодинаковой.

Важной является тема межрасовой метисации русских и бурят в имперское время, приведшей к образованию этнической группы карымов, с советского времени ассимилировавшихся в русской и отчасти в бурятской среде. Актуализируют тему активизация возрожденческих тенденций у современных народов мира и России, ведущиеся поиски идентичности, сохранение аутентичности традиционной культуры и языков. Русские Бурятии (старожилы, сибиряки, семейские, карымы, промышленное население побережья оз. Байкал), сохраняя национальную идентичность, активнее позиционируют ее особенность, базирующуюся на сибирском образе жизни, взаимодействии с бурятами, фенотипе, менталитете. Цель статьи — исследование карымов, оседлых инородцев, одной из групп феномена межэтнической межрасовой метисации, реализованной в процессе многовекового взаимодействия русских и бурят на юго-востоке Восточной Сибири. О наличии нескольких категорий свидетельствуют данные, что в 1897 г. в Забайкальской

*Жамбалова Сэсэгма Гэндэновна — д.и.н., в.н.с., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ)
E-mail: zhambalovas@yandex.ru*

* *Статья подготовлена в рамках государственного задания — проекта «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия (XVII–XXI вв.)»*

области проживали 10 491 карымов: 49 % числились оседлыми инородцами, 17,3 % — кочевыми инородцами, 30,7 % — крестьянами из оседлых инородцев, 3 % относились к другим сословиям.¹

Карымы не раз становились объектом исследований. О. В. Бураева рассмотрела миксацию русских с коренными народами Байкальского региона в работе общего характера.² Н. И. Карбаинов подсчитал численность карымов и ясачных в Иркутской губернии и Забайкальской области, рассмотрел их сословные структуры в конце XIX в.³ Карымы и метисы Бурятии рассмотрены в совместной работе В. В. Галиндабаевой и Н. И. Карбаинова.⁴ ими изучены трансформации этнического фронта карымов и семейских.⁵ Обзор краеведческих публикаций о карымах демонстрирует, что история карымов требует дополнительных исследований из-за не решенных до конца вопросов, наличия «белых пятен» и городских мифов. Это обуславливает необходимость дальнейшего изучения карымов на основе новых достоверных источников с использованием современных методологий и методов.

Статья базируется на опубликованных⁶ и неопубликованных/неархивированных полевых материалах в формате устных историй, записанных автором совместно с японским этнологом Н. Игауэ у русских и бурятских этнографов в 2004 г. в Мухоршибирском и в 2017 г. в Заиграевском и Хоринском р-нах Республики Бурятия (РБ). Другими источниками стали литературные данные и электронные ресурсы. Характеристика неоднородного русского населения региона выполнена на материалах Бурятии. Для верификации этих материалов использованы сведения Ольхонской степной думы из Государственного архива РБ (ГАРБ) и литературные данные по Ольхонскому р-ну Иркутской области, а также Забайкальского

края, что расширило территориальные рамки исследования до юго-востока Восточной Сибири. В статье использованы классические и современные методы исторической науки: идеографический, дополняющийся анализом и обобщением; компаративистский для рассмотрения темы на диахроническом и синхронном срезах и верификации материалов. Сбор полевых материалов осуществлен методами полевой этнографии и устного рассказа.

Русские Бурятии и рецепты бурятской культуры

В 2011 г. состоялось официальное празднование 350-летия вхождения Бурятии в состав Российского государства. В 2023 г. отметили 100-летие образования Республики Бурятия, где «народы Бурятии, независимо от веры и национальности, развивают хозяйство, умножают культуру, творят единую судьбу республики и страны на основе дружбы, согласия и взаимопонимания».⁷

Русские Бурятии неоднородны по своему составу: образование субэтносов на трансграничной территории проходило на нескольких уровнях: 1) геополитическом и сословном — казаки, осуществляющие охрану государственной границы России с Китаем (пограничные караулы) и русские крестьяне, пашенные земледельцы (старожилы, сибиряки), заселявшиеся с конца XVII в.; 2) конфессиональном — последователи Русской православной церкви (старожилы, сибиряки) и апологеты Русской древлеправославной церкви, сосланные в XVIII в. (забайкальские старообрядцы, семейские); 3) адаптационном — русское промысловое население побережья оз. Байкал. С начала советского периода к православным русским в качестве субэтноса примкнула этническая группа карымов, ранее причислявшаяся к оседлым инородцам. В XXI в. группы русских казаков и семейских наряду с бурятами наиболее ярко в отличие от русских сибиряков и карымов позиционируют аутентичность самобытной культуры: способствуют выявлению объектов материального и нематериального культурного достояния народов России; участвуют в официальных торжественных мероприятиях, фестивалях и т. д. Жители Байкальского побережья, в имперское время промысловое население, в XXI в. переживают

¹ См.: Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы в Бурятии: маргинальные люди и/или культурные посредники // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 4. С. 210.

² См.: Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII–XIX вв. Улан-Удэ, 2000.

³ См.: Карбаинов Н. И. Карымы и ясачные в Иркутской губернии и Забайкальской области в конце XIX века: численность этноконфессиональных групп и их сословная структура // Историческая демография. 2019. № 1 (23). С. 27–31.

⁴ См.: Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Указ. соч.

⁵ См.: Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и семейские в Бурятии: трансформации этнического фронта // Ab imregio. 2020. № 3. С. 115–156.

⁶ Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Калейдоскоп: этнографические картинки XX — начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. Улан-Удэ, 2010.

⁷ Базаров Б. В., Плеханова А. М., Нолев Е. В. Республика Бурятия в панораме 100-летия: исторические вехи и достижения // Монголоведение (Монгол судлал). 2023. Т. 15, № 1. С. 116.

трудные времена из-за государственных инициатив по сохранению оз. Байкал. Некоторые из них предпринимают усилия по созданию субэтнуса «байкальские поморы»,⁸ что приравнивало бы их к коренным малочисленным народам и предоставило права по природопользованию на особо охраняемой территории.

Заселение русских на юго-востоке Восточной Сибири привело к дисперсному расселению народов двух рас, двух языковых семей и групп, культур (оседлые земледельцы и кочевники-скотоводы), разных религий (христиане, шаманисты и буддисты).⁹ Опыт кочевого образа жизни бурят предоставил возможности для ускоренной адаптации русских пашенных крестьян. На всем протяжении миграционных потоков в Бурятию русские, подобно переселенцам конца XIX — начала XX в., в процессе хозяйственной, социокультурной и физиологической адаптации к новым условиям находили способы взаимодействия с индигенным населением, чтобы «использовать новый опыт в процессе жизнедеятельности».¹⁰

Первыми культурными рецепциями, вероятно, были заимствования в системе жизнеобеспечения: меховые одеяла, войлочные матрасы, сшитая по образцу бурятских унтов обувь, меховые подклады к русской традиционной верхней одежде, использование при приготовлении пищи локальных продуктов и местных бурятских технологий и т. д. Перечень рецептов подробно описан О. В. Бураевой.¹¹ Воспринятые русскими у бурят культурные рецепции акцентированы в экспозициях Этнографического музея народов Забайкалья. Важной хозяйственной рецепцией при адаптации к экологическим возможностям края стала практика номадических приемов экстенсивного содержания скота, в Забайкальском крае в отдельных случаях с круглогодичным выпасом. О. В. Бураева пишет: «Многие русские крестьяне скотоводческих районов вели свои хозяйства по типу бурят. <...> Иные нерчинские казаки, особенно из числа богатеев,

обзаведясь огромными стадами скота, даже перешли к кочевому образу жизни».¹² Основная часть населения имела небольшой состав скота местной бурятской или монгольской породы, практиковала стойловое содержание с элементами номадного, сохранившегося до настоящего времени. Были заимствованы технологии изготовления конской сбруи, искусство наездничества, русский язык пополнился скотоводческой лексикой.¹³

Наиболее контактные межэтнические зоны в Республике Бурятия — это ареалы дисперсного проживания русских старожилов (сибиряков), старообрядцев, бурят и карымов — Бичурский, Мухоршибирский, Заиграевский, Хоринский р-ны. До 1940-х гг. между старожилами и семейскими сохранялась социальная дистанция (запрет на межсубэтнические браки, избегание по возможности бытовых контактов и др.), навязываемая идеологией старообрядчества.¹⁴ До настоящего времени в Бурятии сохраняются большие русские села, где один край — поселение карымов, а другой — подселенные семейские. Это села Унэ-гэтэй Заиграевского р-на, Хасурта Хоринского р-на и др. Информант В. И. Вахрушева (Мурзина) заметила: «Раньше в селе, где живут на одной стороне семейские, на другой карымы, граница строгая была. Одна сторона семейская, другая карымская». Такое же деление было в близко соседствующих селах (обуславливалось религиозным разломом). В Мухоршибирском районе известны расположенные вплоты поселения православных русских, которых семейские называют «харануты» и «баргуты» (Старый Заган), и семейских (Новый Заган). Анализ полевых материалов позволяет считать, что харануты и баргуты — это местное прозвище карымов, утративших свою идентичность и примкнувших к «сибирякам».¹⁵

Взаимодействие с бурятами было предпочтительнее и для старожилов, и для семейских. Об этом свидетельствуют многие устные истории.¹⁶ Аналогичная ситуация выявлена на Алтае. Старообрядцы активно контактировали с коренным населением без опасения религиозно-культурного растворения. Это было «взаимодействие двух принципиально различных

⁸ Ученые заявили о «возрождении» субэтнуса байкальских поморов в Бурятии. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/16/52112/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁹ См.: Жамбалова С. Г. Профанный и сакральный миры ольхонских бурят (XIX–XX вв.). Новосибирск, 2000. С. 68.

¹⁰ Татарникова А. И. Повседневная жизнь крестьян в экстремальных условиях переселения в Сибирь (конец XIX — начало XX вв.) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 9. С. 1–13. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27250 (дата обращения: 05.12.2023).

¹¹ См.: Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи...

¹² Бураева О. В. Особенности адаптации русского этноса в Байкальском регионе // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2011. № 1. С. 42.

¹³ См.: Там же. С. 42.

¹⁴ См.: Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Указ. соч. С. 386.

¹⁵ См.: Там же. С. 206, 231.

¹⁶ См.: Там же. С. 232, 235, 236.

культур, в котором отсутствовал элемент духовной экспансии, что позволяло обеим сторонам сохранять свои базовые ценности».¹⁷ Контакты русских и бурят в имперское время осуществлялись на основе родства и свойства в результате межэтнических браков (XVIII — начало XX в.). Другая основа была экономическая: в XVIII — начале XX в. происходили активный обмен продуктами, торговля, найм на работу и др. Немалую роль играл человеческий фактор: психологические свойства человека лежали в основе добрососедских отношений народов.¹⁸

Межэтническая метисация. Карымы

Феномен смешанных браков русских с крещеными бурятами в XVIII — начале XX в. привел к зарождению пограничной этнической группы карымов. В данной статье оседлые инородцы карымы представлены как этническая группа, исходя из положения, что это люди общего происхождения, общей культуры, осознающие свое единство.¹⁹ В имперское время большая часть их была отнесена к Степным думам как сословие, именуемое «оседлый инородец», «ясашный», «карым».

В Ольхонском р-не, как и в других регионах проживания бурят, включая территорию Бурятии и Забайкалья, карымы — это мужчины и женщины, вступившие в брак с русскими и обязанные жить отдельным поселением. Это люди, «ближайшие и отдаленные предки которых, приняв христианство и взяв русских жен, образовали особые ясачные или карымские деревни, которых много в округах Иркутской губернии».²⁰ И. А. Кулаков и П. Е. Молодых характеризовали их как промежуточное звено при переходе от бурят к русским. Они причислены к инородческому ведомству, подчинены инородческим управам, не отбывают воинской повинности, податей платят больше, чем кочевые инородцы, но меньше, чем государственные крестьяне.²¹ Они становились оседлыми пашенными земледельцами. Политика Российской империи, обусловленная насущной экономической потребностью,

требовала увеличения пахотных земель и производства зерновых, активного приобщения кочевых инородцев к земледелию на юго-востоке Восточной Сибири. У информанта А. И. Варфоломеева, 1917 г. р., идентифицирующего себя как «русский, карым», из села Новоспасск (Брянка) Мухоршибирского района, записано: «А христианин без земли жить не может. <...> Мы землю пахали, строились. Главное — хлеб, картошку садили. Это до коллективизации так было».²² При каждой Степной думе было не менее одного карымского поселения, в котором нередко была возведена православная церковь. Переход бурят в сословие оседлых инородцев является результатом миссионерской деятельности РПЦ.

В 1854 г. в Ольхонском ведомстве было 9 бурятских родов численностью 5 877 чел., из них 108 чел. ясачно-крещеных (61 муж. и 47 жен.). Они проживали на землях кунтинских крестьян Манзурской волости и именовались кунтинскими оседлыми инородцами, числясь при Ольхонской степной думе.²³ Пограничная группа попала в тяжелое социально-экономическое положение. В 1854 г. они отправляют прошение в Ольхонскую степную думу с жалобой на притеснения русских крестьян: «Крестьяне отводили для себя особые покосы, и наши предки расчистили особый, находящийся между Кунтинским селением и Тыргинским распадом. Впоследствии за отцами нашими, как перечисленными в сословие оседлых, все те сенокосы, земли, скотский выпас и земли под постройками со всеми усадьбами предоставлены в полное распоряжение... В последнее время крестьяне, взбунтовавшись, отняли у нас покосы, расчищенные, и стесняют нас в постройке нами домов, усадеб, пользовании землею».²⁴ Подписано Калистратом Поповым, Гаврилой Рыковым, Осипом Шигаевым и др.²⁵ Бурятам при крещении давали христианские имя и фамилию, которые закреплялись, поэтому карымы с самого начала имеют русские имена и фамилии.

Ольхонская степная дума в 1859 г. решает: «...с общего согласия всех инородцев оседлым инородцам Кунтинского селения отведена под постройки земля в своих дачах... при ключе Тыргин, куда они окончательно переселились; почему и должны именоваться не Кунтинскими оседлыми инородцами... а как

¹⁷ Куприянова И. В. Взаимодействие русских старообрядцев с аборигенами Алтая как колонизационный ресурс // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2019. № 2 (20). С. 78.

¹⁸ См.: Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Указ. соч. С. 387.

¹⁹ См.: Винер Б. Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 4.

²⁰ Молодых И. А., Кулаков П. Е. Труды по участию отдела на Всероссийской выставке в 1896 г.: Иллюстрированное описание быта сельского населения иркутской губернии. СПб., 1896. С. 138.

²¹ См.: Там же. С. 139.

²² Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Указ. соч. С. 206.

²³ См.: Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 53.

²⁴ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 344. Л. 3.

²⁵ См.: Там же. Л. 3.

оседлые инородцы Ольхонского ведомства... поселенное ими место наименовать Тыргинскою деревнею и показывать вместо деревни Кунтинской».²⁶ Эти материалы удостоверяют, что оседлых инородцев не включали в состав русского населения, а относили к инородцам. В 1888 г. в списке поселений Ольхонской степной думы числится два поселения карымов, указанная ранее Тыргинская деревня (80 чел.) и Унгуринский выселок (6 чел.).²⁷

В конце XIX — начале XX в. практикуются переходы карымов в другие сословия. С разрешения бурятских родовых обществ отдельные карымы Ольхонского ведомства примыкали к мещанам г. Иркутска, переходили в другое сословие, никуда не уезжая, подобно купцу 2-й гильдии Михаилу Рыкову.²⁸ Харламбий Рыков подает прошение о том, что он, инородец Ольхонского ведомства, поступил в «крестьянский оклад», а узаконенной землей пока не наделен.²⁹ Иркутская казенная палата выдала документ о том, что «инородца Василия Брянского с начала 1882 г. исключила из числа наличных и оклада ясака и прочих повинностей по 2 Чернорудскому роду Ольхонского ведомства и с этого времени причислила его в мещане г. Иркутска с надлежащим окладного сбора и губернской повинности».³⁰ Архивная справка 1882 г. информирует о том, что почетные инородцы 2-го Чернорудского рода Иннокентия Шигаева (Богота Башинова), «с общего нашего согласия... не увольняем в мещане г. Иркутска. ...мы до сего времени в течении 6 лет оплачивали подати и другие повинности в количестве 120 рублей, которые он, Шигаев, нам не возвратил».³¹

На излете имперского периода некоторые карымы находились в неопределенном положении при этнической идентификации. В переписных листах Голзотской инородческой волости в графе «сословие» стоит «оседлый инородец», а национальность — «русский», в другом месте национальность «бурят» исправлена на «русский».³² Б. Е. Винер отмечает, что иногда «взаимопроникновение культур соседних этносов настолько велико, что бывает трудно определить, к какому из них относится

та или иная группа людей. В этом случае исследователь должен обратить внимание на национальное (этническое) самосознание людей».³³

В советское время произошли коренные изменения в статусе карымов, самосознание которых нередко не совпадало с имперской установкой. Стала возможной реализация выбора этничности в соответствии с самосознанием, и большинство стало официально идентифицировать себя русскими. Этапы данного процесса рассмотрены.³⁴ Национальность официально фиксировалась в паспорте, указывалась при переписи населения и т. д. Позднее исследователи, констатируя устоявшийся факт, объективно отметили карымов как субэтнос русских.³⁵ Информант А. П. Бурлаков уверен, что до 1917 г. карымы не числились русскими, составляя категорию инородцев. Члены призывной комиссии при отборе на тыловые работы, куда их стали отправлять с 1916 г., удивлялись отличному владению инородцами русским языком, в то время как «никакого другого языка они не знали».³⁶

В советское время стремительно завершился длительный процесс добровольной ассимиляции части бурят в имперское время в русской среде благодаря последовательной аккультурации: крещению, последующему межэтническому браку, ведению образа жизни оседлого пашенного земледельца, восприятию русского языка как родного и постепенному закреплению метисного генетического кода в фенотипе. Жизненные истории предков карымов свидетельствуют о добровольном принятии крещения и вступления в межэтнический брак. Со слов информантов, уход из бурятского социума нередко находился на грани бегства из родового социума для избежания наказания, спасения в непростых жизненных ситуациях.³⁷ Переход в новую сословную группу сглаживался проживанием и адаптацией в отдельных карымских поселениях, где жили люди с близкой судьбой.

С советского времени число карымских поселений сократилось, что обусловлено рядом причин, одна из которых — стремление карымов к получению образования, которое приводило к миграции в города, а после завершения учебы — в другие поселения. Учительница В. И. Вахрушева (Мурзина), 1936 г. р. из с. Унэгэтэй

²⁶ Там же. Д. 413. Л. 2.

²⁷ См.: Там же. Д. 995. Л. 3.

²⁸ См.: Жамбалова С. Г. Указ. соч. С. 76.

²⁹ См.: Там же. С. 76.

³⁰ ГАРБ. Ф. 12. Оп. 1. Д. 526. Л. 2.

³¹ Там же. Л. 8.

³² См.: Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы... С. 210.

³³ Винер Б. Е. Указ. соч. С. 10.

³⁴ См.: Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы... С. 214.

³⁵ См.: Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Указ. соч. С. 197.

³⁶ Там же. С. 194.

³⁷ См.: Там же. С. 152, 153, 196, 201, 205.

Заиграевского района, заметила, что до революции и в начале советской власти «семейские не учили своих детей, а карымы старались выучить. Здесь была школа церковно-приходская, потом начальная, потом семилетка, потом средняя». Другая причина, со слов А. П. Бурлакова: «В селе Брянке было отделение совхоза “Эрдэм”, был клуб, медпункт, магазин, была молочно-товарная ферма. Когда совхоз стал разваливаться, то ликвидация почему-то началась с Брянки. Коров забрали. Люди остались без работы, многие уехали».³⁸

Карымская семья могла разделиться при определении национальности. Н. Ц. Эрдынеев, 1927 г., родившийся в улусе Олоншибирь Мухоршибирского р-на, бурят из племени хори, рода хубдуг, рассказывал, что его отец, крестный Бутырин Василий Михайлович 1890 г. р., стал Цыбиковым Эрдэни Соктоевичем с припиской «он же Василий»: «Мой папа как бы вернулся к бурятам, а другие его брат, сестра остались с русскими».³⁹ Информативно, что его отец из с. Новоспаск (Брянка) после женитьбы на бурятке стал жить в улусе Олоншибирь.⁴⁰

Во время полевых работ замечено, что в современном социуме на бытовом уровне тех, кто отошел к русским, именуют карымами, а в буддистском регионе примкнувших к бурятам — «крестники» (хресник). Есть мнение, что данную группу русские называли карымами, а буряты — крестниками. Б. Базаргармаев 1926 г. р. из с. Кусоты Мухоршибирского р-на отмечает: «Русские их называют карымы, а буряты — крестники».⁴¹ Янжима Жамбалова 1916 г. р., родом из улуса Сундулга Заиграевского района, в 2004 г. предоставила информацию очевидца доколхозной жизни: «...есть село Унэгэтуй, там полсела семейские, полсела карымы... их называют еще крестники. Они с бурятами вместе образовали колхоз. А семейские отдельно. Это же не буряты, это русские. <...> Это не бурятская вера, а религия Христос, а у нас Будда. <...> Когда буряты крестились, они женились на русских. <...> На внешность они русские, но... Семейские блондины и бородатые, светлые, а карымы — смуглые и безбородые, это в бурят. <...> Они говорят и по-бурятски, и по-русски».⁴²

В советское время из-за последующего более активного размывания этнической группы

в русской среде понятие «карым» за пределами контактных зон стало малоупотребительным и непрестижным для его носителей. В XXI в. в соответствии с возрожденческим трендом карымы стремятся возродить субэтническую идентификацию и заявить о себе. Летом 2003 г. в с. Новоспаск состоялся праздник малого села: съехались выходцы из села, прослушали доклад об истории карымов, на месте разрушенной в 1969 г. церкви поставили и освятили крест, провели крещение, решили встречи сделать постоянными.⁴³ Во время всероссийской переписи 2010 г. 10 человек в графе «национальность» написали «карым».⁴⁴ Выявлена одна из причин воспроизводства карымской идентичности до XXI в.: они были чужими и для бурят, и для русских. Соседствующие народы на бытовом уровне продолжают подчеркивать их инаковость и обособленность. Поэтому понятие «карымы» наиболее сохраняется в контактных зонах, где сохраняется оппозиция «мы — они».⁴⁵

Есть мнение, что сохранение и воспроизводство этнической группы карымов осуществляется из-за их маргинализации русскими и бурятами.⁴⁶ Данная гипотеза доказана кругом материалов, поэтому трудно не согласиться с данным фактом. Однако достоверные полевые источники не выявляют в современном социуме негативного отношения к карымам со стороны других народов региона. Подчеркивание инаковости группы на бытовом уровне всегда связано с конкретным контекстом (при интервью с этнологом и др.). Оно не носит оценочный характер, а является обыденной констатацией исторического факта межрасовой метисации, как результат исторического межэтнического взаимодействия. С сокращением социальной дистанции в советский период сокращается и степень конфронтации, которая была заметна в досоветское и раннесоветское время.

Рассмотрение соотношения понятий «карым» и «метис» представляется значимым. В. В. Галиндабаева и Н. И. Карбаинов замечают, что в XVIII в. в обиход вошло слово «карым», в начале XXI в. возникает категория «метис». Слово «метис» появилось в советское время, а в г. Улан-Удэ стало популярным с 1960-х гг.⁴⁷ Межэтническая метисация и рожде-

³⁸ Там же. С. 196, 197.

³⁹ Там же. С. 158, 159.

⁴⁰ Там же. С. 159.

⁴¹ Там же. С. 155.

⁴² Там же. С. 152.

⁴³ См.: Там же. С. 385, 386.

⁴⁴ См.: Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы... С. 214.

⁴⁵ См.: Жамбалова С. Г., Игауэ Н. Указ. соч. С. 385, 386.

⁴⁶ См.: Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы в Бурятии...

⁴⁷ См.: Там же. С. 216.

ние детей в межрасовых браках в имперское, советское и постсоветское время происходили в разных исторических и социально-экономических условиях. Слово «карым» имеет отношение к межрасовой миксации бурят с русскими. Потомки карымов с образом жизни пашенных оседлых земледельцев, нередко с выраженной славянской внешностью, через пять–шесть и более поколений продолжали числиться оседлыми инородцами.⁴⁸ Метисы на юго-востоке Восточной Сибири — дети межрасовых браков монголоидов с европеоидами. Метисность размывается в течение одного–двух поколений, а определение характеризует не сообщество людей как социальную группу, а пограничный антропологический тип, фенотип индивида. Метис — бытовое обиходное слово. При получении паспорта в графе «национальность» в советское время выбиралась национальность одного из родителей. Их дети уже не метисы. А. П. Бурлаков замечает, что в с. Брянка «есть особый менталитет карымов», и он несопоставим с мировосприятием метисов.⁴⁹

Карым и метис — это две самостоятельные категории, зародившиеся в разных исторических условиях. В имперское время межэтническая метисация бурят и русских, поддерживаемая на государственном уровне, создала новую сословную группу людей, жизнь которых особо регламентировалась, что привело к созданию этнической группы, а впоследствии субэтнуса русских. Информант А. И. Варфоломеев, правнук карыма, объяснял, что крещеных бурят селили к карымам, в их поселениях не имели права жить русские: «им здесь землю не давали».⁵⁰

В XXI в. часть карымов, перешедшая к русским, продолжает сохранять некоторые монголоидные черты. М. В. Миронова 1932 г. р. из с. Старый Заган Мухоршибирского района говорила о своем русском супруге, харануте: «Вот чистый бурят, муж мой. И эта кровь идет и идет. Все дети похожи на бурята. Я сама, видите, блондинка с голубыми глазами. <...> У нас таких семей много».⁵¹ М. Балдандоржиева 1938 г. р. из с. Тутнуй Мухоршибирского района с 1954 до 1958 гг. училась в школе с. Брянка и жила у ка-

рымов Мокровецких. Она сказала: «Они лицом похожи на бурят. Старые люди знали бурятский язык... Когда жила в семье, я чувствовала, что это русские во всем: русская разговорная речь, питание... Это русские люди, по-русски молятся. <...> Иконы были русские в домах».⁵² Процесс перехода крещеных бурят в группу карымов продолжался с XVIII до начала XX в., поэтому степень их русификации была разной.

Анализ приведенных материалов позволяет прийти к следующему заключению. В Российской империи, в отличие от ряда стран, межэтническая и межрасовая метисация русских и бурят в контактной зоне юго-востока Восточной Сибири — естественный биологический процесс — была поддержана государством и РПЦ. Сформировалась постоянно пополняемая группа оседлых инородцев, известных как карымы/крестники, сохранявшаяся до советского времени. Имперская национальная политика, с одной стороны, создавала условия внутренней изоляции, необходимой для сохранения традиционного бурятского и русского социумов. С другой — благодаря ей осуществлялась поэтапная аккультурация части крещеных бурят, перешедших через межэтнический брак с русскими к оседлому образу жизни православного пашенного земледельца, крестьянина, владеющего либо двумя языками, либо только русским. В советский период изоляция и пограничное положение на протяжении веков, устоявшийся образ жизни, достаточно полная аккультурация карымов способствовали стремительной ассимиляции этнической группы, имеющей общие происхождение, культуру, язык и самосознание, в русской среде. Другая, малая часть, карымов вероятно, растворилась среди бурят. В постсоветское время потомки карымов стали открыто идентифицировать себя как субэтнос русских, имеющий родство с бурятами. Изучение соотношения понятий «карым» и «метис» показало, что «метис» указывает на пограничный антропологический тип, на фенотип индивида. Карымы — феномен межэтнической метисации русских и бурят на юго-востоке Восточной Сибири, результат одного из направлений российской колониационной политики, способствовавшей стабилизации этнополитической и демографической ситуации.

Sesegma G. Zhambalova

Doctor of Historical Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS (Russia, Ulan-Ude)
E-mail: zhambalovas@yandex.ru

⁴⁸ См.: Молодых И. А., Кулаков П. Е. Указ. соч. С. 138, 139.

⁴⁹ Жамбалова С. Г., Игауз Н. Указ. соч. С. 193.

⁵⁰ Там же. С. 206.

⁵¹ Там же. С. 235.

⁵² Там же. С. 185.

“KARYMS” — THE PHENOMENON OF INTERETHNIC MIXING OF RUSSIANS AND BURYATS IN THE SOUTHEAST OF EASTERN SIBERIA

Based on fieldwork, archival, literary, and electronic sources, the article explores the phenomenon of interethnic mixing of Russians and Buryats in the southeast of Eastern Siberia — the settled indigenous people, the Karyms. Ideographic and comparative methods have allowed considering this topic from the imperial era to the 21st century. Since the late 17th century, the region became an arena for interaction between two peoples, races, language families, cultures, and religions. The nomadic experience of the Buryats provided cultural receptions for the adaptation of Russians. It is revealed that imperial policies regarding the Karyms, on one hand, supported internal isolation of traditional Buryat and Russian societies, while, on the other hand, implementing a gradual acculturation of some baptized Buryats who transitioned, thanks to interethnic marriage, to a settled way of life. Three stages in the formation of the Karyms identity are identified. The first, imperial stage, involved the formation of an interethnic group of indigenous people with special rights and duties, leading a settled lifestyle as peasant-farmers under Steppe councils. Isolation and the border position shaped an ethnic group with a common origin, culture, language, and self-awareness. The second stage was a period of voluntary assimilation: during Soviet times, the Karyms reasonably identified themselves as Russians. The third stage, in the 21st century, sees the Karyms descendants striving to officially assert themselves. The correlation between the concepts of “Karym” and “metis” is examined, proving their ambiguity. The term “metis” denotes a borderline anthropological type, referring to an individual’s phenotype. The Karyms represent a phenomenon of interethnic mixing between Russians and the Buryats in the southeast of Eastern Siberia, the result of one facet of Russia’s colonial policy that contributed to stabilizing the ethno-political and demographic situation.

Keywords: Southeast of Eastern Siberia, Russians, Buryats, Karyms, subethnicity, cultural receptions, phenomenon, interethnic mixing, acculturation, assimilation

REFERENCES

- Bazarov B. V., Plekhanova A. M., Nolev E. V. [Republic of Buryatia in the Panorama of the 100th Anniversary: Historical Milestones and Achievements]. *Mongolovedeniye (Mongol sudlal)* [Mongolian Studies (Mongol Sudlal)], 2023, vol. 15, no. 1, pp. 115–128. DOI: 10.22162/2500-1523-2023-1-115-128 (in Russ.).
- Buraeva O. V. [Peculiarities of the Russian Ethnos’ Adaptation in the Baikal Region]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences], 2011, no. 1, pp. 41–49. (in Russ.).
- Buraeva O. V. *Khozyaystvennyye i etnokul’turnyye svyazi russkikh, buryat i evenkov v XVII–XIX vv.* [Economic and Ethnocultural Communications of Russians, Buryats and Evenks in the 17th–19th Centuries]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 2000. (in Russ.).
- Galindabaeva V. V., Karbainov N. I. [Karyms and Mestizos of Buryatia: Marginal Man and/or Cultural Broker]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 2020, vol. 23, no. 4, pp. 204–232. DOI: 10.31119/jssa.2020.23.4.8 (in Russ.).
- Galindabaeva V. V., Karbainov N. I. [The Karyms and Semeiskie in Buryatia: Transformation of the Ethnic Frontier]. *Ab Imperio*, 2020, no. 3, pp. 115–156. DOI: 10.1353/imp.2020.0059 (in Russ.).
- Karbainov N. I. [Karymy and Yasachnyie in the Irkutsk Guberniya and Transbaikal Oblast’ at the End of the 19th Century: The Number of Ethno-Confessional Groups and Their Estate Structure]. *Istoricheskaya demografiya* [Historical Demography], 2019, no. 1 (23), pp. 27–31. DOI: 10.19110/2304-5922-2019-1-27-31 (in Russ.).
- Kupriyanova I. V. [Relationships between Russian Old Believers and Indigenous Peoples of Altai as a Resource for Colonization]. *Uchenyye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul’tury i iskusstv)* [Proceedings of Altai State Academy of Culture and Arts], 2019, no. 2 (20), pp. 77–81. DOI: 10.32340/2414-9101-2019-2-77-81 (in Russ.).
- Tatarnikova A. I. [Everyday Life of Peasants in Extreme Conditions of Migration to Siberia (Late XIX — Early XX Centuries)]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Research], 2018, no. 9, pp. 1–13. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=27250 (accessed: 05.12.2023). DOI: 10.25136/2409-868X.2018.9.27250 (in Russ.).
- Viner B. E. [Ethnicity: In Search of a Paradigm for Studying]. *Etnograficheskoye obozreniye* [Ethnographic Review], 1998, no. 4, pp. 3–26. (in Russ.).
- Zhambalova S. G. *Profannyi i sakral’nyy miry ol’khonskikh buryat (XIX–XX vv.)* [The Profane and Sacred Worlds of the Olkhon Buryats (19th–20th Centuries)]. Novosibirsk: Nauka Publ., 2000. (in Russ.).
- Zhambalova S. G., Igaue N. *Kaleydoskop: etnograficheskiye kartinki XX — nachala XXI v. v ustnykh rasskazakh narodov buryatii* [Kaleidoscope: Ethnographic Pictures of the 20th — Early 21st Centuries in Oral Stories of the Peoples of Buryatia]. Ulan-Ude: Izd-vo BNTs SO RAN Publ., 2010. (in Russ.).

Для цитирования: Жамбалова С. Г. Карымы — феномен межэтнической метисации русских и бурят на юго-востоке Восточной Сибири // Уральский исторический вестник. 2024. № 2 (83). С. 121–128. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-121-128.

For citation: Zhambalova S. G. “Karyms” — the Phenomenon of Interethnic Mixing Of Russians and Buryats in the Southeast of Eastern Siberia // Ural Historical Journal, 2024, no. 2 (83), pp. 121–128. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-2 (83)-121-128.